

ВСЕМІРНАЯ

ПАНОРАМА

8344

В. И. С. 1914 г.

12 Сентября

1914 г.

**ВОЕННЫЙ
НОМЕРЪ.**

На ст. ж. д. цѣна 6 коп.

5 коп.

Цѣна № въ розничной продажѣ въ столицахъ и провинціи

Кѣмцы о самихъ себѣ.

Несмотря на шумныя ликованія по поводу своихъ мнимыхъ побѣдъ, кѣмцы начинаютъ чувствовать, что кайзеръ ведетъ ихъ по невѣрному пути. Не смѣя выражать открыто свой протестъ противъ гибельной политики германскаго правительства, кѣмцы прибѣгаютъ къ помощи каррикатуръ. Верхняя карриатура ядовито озаглавлена: «Неудачный маскарадъ». Подпись подъ рисункомъ: «Вильгельмъ обращается къ канцлеру:—Неужели поляки и теперь могутъ намъ не повѣрить?»

На карриатурѣ слѣва—германскій канцлеръ «пускаетъ» нѣмецкій народъ куклами, изображающими англійскую, французскую, русскую и всеславянскую опасности.

На нижней карриатурѣ справа изображены пѣицы въ Льежѣ. Ординарецъ доноситъ: «Форты еще держатся, но всѣ женщины уже покорены!». Полковникъ отвѣчаетъ: «Выло-бы гораздо хуже, если-бы женщины еще держались»...

Сквозь тяжелое и диничное остроуміе ясно слышатся нотки тревоги и неодобренія варварской политикѣ кайзера

ВОЙНА НЕ МѢШАЕТЪ РАБОТАТЬ.

На многочисленныя запросы заинтересованныхъ лицъ сообщаемъ, что война не мѣшаетъ намъ работать!

КАКЪ ПРЕЖДЕ мы продаемъ наши быстросъезжающія автоматическія машины «Синглеръ» по цѣнѣ Р. 100,00,
КАКЪ ПРЕЖДЕ всякій, купившій машину, становится нашимъ сотрудникомъ.

КАКЪ ПРЕЖДЕ мы платимъ за работу дюжину паръ чулокъ или носковъ нашимъ сотрудникамъ по Р. 1,80.

КАКЪ ПРЕЖДЕ наши сотрудники зарабатываютъ ежемесячно Р. 50,00 и болѣе. Машинъ и разнообразная пряжа въ большомъ запасѣ на складѣ. Машинъ въсѣхъ около 1 пуда, желающимъ высылается по почтѣ.

Подробности по первому требованію бесплатно.

Товарищество Вильгельмъ Машинъ **ТОМАСЪ Г. БИТТИНЪ**
НЮНАУ и Н-о, (Лондонъ, Э. С. 114 Leadenhall Street).
С. Петербургъ, Невскій, 40—42, Отд. 30 В. **Шошви**, Красная горота, д. Афра
мосъ, Отд. 30 В. Нижний-Новгородъ, Глазненъ домъ, 68.

ПОДПИСКИ НА „ВСМІРНУЮ ПАНОРАМУ“ НА 1914 ГОДЪ.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ: На 1 годъ—2 р. 50 коп., на 6 месяцевъ—1 р. 50 коп., на 3 мѣс.—80 коп., на 1 мѣс.—30 коп. **ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ:** На 1 годъ—3 р., на 6 мѣс.—1 р. 50 коп., на 1 мѣс.—55 коп.

Адресъ: Петроградъ, Т-во Издательскаго Дѣла „КОПЪИКА“, Лиговская, 111-118 (собственный домъ).

ПАНОРАМА

ВЪ ТЮРЬМѢ.

Австрійская неудача.

Арестанты играли въ три листика. Самодѣльные, замусоленные карты шленко ложились при удачныхъ ходахъ и звенѣли въ рукахъ мѣдяки.

За послѣдніе дни жизнь въ тюрьмѣ стала совсѣмъ иной,—надзиратели почти не показывались, на прогулку не водили, и даже шаги часовыхъ казались менѣе увѣренными.

Неизвѣстно какимъ образомъ,—но и сюда, за эти толстыя хмурыя стѣны, проникали слухи о приближающихся къ городу неприятельскихъ войскахъ и, когда гдѣ-нибудь раздавался похожій на выстрѣлъ звукъ, вся тюрьма прислушивалась и ждала.

Изъ начальнику тюрьмы писались длинныя прошенія о зачисленіи въ дѣйствующую армію. Отношеніе къ войнѣ у всѣхъ было сосредоточенное и грозное...

— Теперь всѣ, братъ, душа въ душу заживутъ,—говорилъ Серёжка-Скобка, и его рѣзко очерченный большіи поздры выразительно раздувались. Это такое дѣло, тутъ каждая рука легка, а насъ то надо бы на самое горячее мѣсто. Въ тюрьмѣ только вшей кормить, а на войнѣ матку-правду узнаешь.—Да, братъ...

Скобка вообще былъ очень рѣчиствъ, а послѣ объявленія войны никому слова сказать не давалъ—такъ и сыпалъ.

Скобка былъ самый грамотный и, если что-либо требовалось отъ начальства, арестанты поручали ему. На этотъ разъ онъ, стоя на колѣняхъ и положивъ на пары листъ бумаги, писалъ отъ камеры прошеніе о томъ, чтобы начальникъ тюрьмы разрѣшилъ надзирателю давать камерѣ для прочтенія «Правительственный Вѣстникъ».

— Что больно много?—спросилъ Горбачевъ, арестантъ хмурый, пизколобий, первый силачъ въ тюрьмѣ.

— Постой, не торопись,—и Скобка, поклонивъ караваномъ, старательно вывелъ послѣднюю фразу.

Австрійскія войска безрезультатно атакуютъ мостъ черезъ Саву. Сербская артиллерія бьетъ безъ промаха.

— Вотъ—по формѣ. Ну, ребята, слушайте... Игравшіе оставили карты и обернулись къ нему.

Скобка присѣлъ на нары и началъ: «Его Высочордію, господину Тюремному Начальнику—наша покорнѣйшая просьба. Покорно просимъ Ваше Высочордіе, господинъ начальникъ, будьте настолько милостивы. Мы всѣ готовы, не щадя живота своего, послужить за Россію и писали въ томъ прошеніи и намъ агитресно знать, гдѣ теперь наши дѣрутся, и потомъ просимъ ваше высочордіе прикажите надзирателю Филишнову давать намъ газету «Правительственный Вѣстникъ», а то мы всѣ въ безпокойствѣ насчетъ нашихъ. Уважьте просьбу нашу, господинъ начальникъ,—и мы вашей милости никогда не забудемъ. Арестанты шестой-камеры». Ну, какъ, ребята?—Ладно?

— Правильно?

— Подписывайтесь.

Новый римский папа Бенедикт XV.

Арестанты серьезно и старательно поставили под прошение свое имена, за неграмотных росписался Горбачевь.

Подойдя к двери, Горбачевь крикнул в коридор через окошечко:

— Надзирателя в камеру.

Но в это время с улицы донесло частые ружейные выстрелы. Эхо их резко отдалось на тюремном дворе.

Арестанты кинулись к окнам.

По двору куда-то пробѣжалъ одинъ изъ надзирателей, во часовой ходилъ все такъ-же, ровнымъ, строгимъ шагомъ.

— Цеприятель, ребята...

— А это изъ орудія, — ей Богу, изъ орудія.

— Надзирателя!.. — разнеслось по коридору изъ какой-то камеры.

И вся тюрьма заволновалась, гулко зашумѣла...

Выстрѣлы уже не прерывались и сухо, настойчиво щелкали съ разныхъ сторонъ, а гдѣ-то, должно быть за городомъ, тѣсно перекатывался глухой ревъ орудій.

На полъ посыпались стекла.

Это было такъ неожиданно, что камера на мгновение притихла, но сейчасъ же стало ясно въ чемъ дѣло, въ камеру попало нѣсколько пуль.

Всѣ разомъ метнулись къ двери, въ нее били погами и по коридору ревомъ неслось...

— Отоприте! Вмѣстѣ помирать будемъ!

Но ни надзирателя, ни конвойнаго не было.

Передъ двернымъ окошкомъ показалось черпобородое лицо Свицова — арестанта изъ третьей камеры.

— Тяните, братцы, къ себѣ! — распорядился онъ.

Изъ третьей камеры появились еще арестанты.

— Мишка-Глухой у насъ дверь высадилъ.

— Пстой я...

Изъ камеры, схватившись за прутья рѣшетки, тянули дверь на себя, а изъ коридора били въ нее кирпичами въ то мѣсто, гдѣ былъ вдѣланъ замокъ.

Въ ту минуту, когда она поддавалась и распахнулась, на дворѣ зацокали копыта и замурчѣли гусыи.

Человѣкъ сорокъ австрійскихъ солдатъ...

во слѣживались и небольшого роста, короткошей, упитанный офицеръ, что-то приказывалъ имъ, показывая рукой на окна тюрьмы.

— Перестрѣляли знать часовыхъ-то, — предположилъ кто-то.

— Братцы, — вдругъ загорѣлся Скобка, — живыми не дадимся...

— Пускай попробуютъ. Калупай кирпичи, ребята. — Откуда-то въ рукахъ у Горбачева появился желѣзный болтъ, и большими кусками посыпалась изъ-подъ его ударовъ со стѣны штукатурка.

— Дверь въ коридоръ завалите. Дверь!

— Ломайте нары.

Изъ нижняго этажа прибѣжало нѣсколько человекъ, — оказалось, что тамъ оконная рѣшетка въ одной изъ камеръ выломана, и если перелѣзть черезъ стѣну и закрыть снаружи ворота, то солдаты окажутся запертыми. Сейчасъ же для этого было спроворено десять человекъ...

— Офицеръ говоритъ...

Офицеръ махалъ бѣлымъ платкомъ, и стоявшій рядомъ съ нимъ какой-то въ штатскомъ, сложивъ трубку руки, кричалъ:

— Заключенные ведите себя смирно, васъ не тронуть.

— А ты кто такой? — насмѣшливо спросилъ кто-то изъ арестантовъ.

— Это нѣмецъ съ Лышицкой, я у него въ саду работалъ.

— Скажи твоему офицеру, что мы арестанты, да не подь его начальствомъ.

— Сволочь нѣмецкая.

Тотъ что-то растерянно передалъ офицеру, — а потомъ опять обратился къ арестантамъ.

— Если будете сопротивляться, васъ разстрѣляютъ.

Но въ отвѣтъ на это около его ногъ ударился и рассыпался на куски кирпичъ.

Разбитый.

Прусскій генералъ Плеттенбергъ, армія котораго разгромлена англо-французскими войсками.

Новый русский городъ Львовъ, взятый нами у австрійцевъ. Лучшія улицы и зданія города.

— Офицеръ скомандовалъ солдатамъ, и тѣ взяли ружья на прицѣль.

— Отъ оконъ долой!—успредилъ Скобка. Арестанты быстро попрятались кто куда.

Залпъ прокатился эхомъ по коридорамъ, опять зазвенѣли стекла и въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на потолкѣ и на верху противоположной окнамъ стѣнѣ, откололась штукатурка.

— Ложись на полъ,—распорядился Скобка,—до оконъ ползкомъ! Сбоку становитесь, чтобъ не видать было.

Полетѣли въ солдатъ изо всѣхъ этажей кирпичи и куски асфальта. Беспорядочная стрѣльба по окнамъ разстроила ихъ ряды. Двое или трое солдатъ были ранены.

Кое-кто изъ арестантовъ пробрался на чердакъ. Оттуда было удобнѣе бросать, и кирпичи попадали мѣтко.

Нѣсколько человѣкъ солдатъ ломали входныя двери. Изъ верхняго окна на нихъ рухнула рѣшетка, а потомъ полетѣли горящія подушки и разныя тряпки.

ронить подъ грудами кирпичей нелѣпо и безпомощно суется около двери солдатъ.

Пятьдесятъ человѣкъ арестантовъ готовились къ вылазкѣ. Вооружились засовами отъ дверей, бѣлками, а нѣкоторые, навертѣвъ на желѣзные прутья тряпье, полили его изъ лампъ керосиномъ и зажгли. На случай неудачи на лѣстницу было перетаскано все, что только нашлось въ камерахъ, чтобы свалить солдатамъ на головы и не дать имъ ворваться въ тюрьму.

— Главное, всѣ разомъ,—наказывалъ Скобка,—нарвите такъ, чтобы двое на одного, а какъ скомандую назадъ,

живо, кто ружья схватилъ, впередъ не лѣзь,—съ боку держись, прикрывай огнемъ, прикладомъ.

— Что, всѣ готовы?

— Кажись, что всѣ?

— Умирать идемъ, а наша возьметъ, послѣ спасибо скажутъ,—и Скобка перекрестился.

Молча, толкотливо двинулись за нимъ по коридору арестанты. Спустившись по лѣстницѣ, они столпились у двери, уже полувыломанной солдатами.

Когда съ криками «ура», арестанты сѣрой кучей высыпали на дворъ, для солдатъ это было такъ неожиданно, что часть ихъ попряталась за лошадей, а нѣкоторые разбѣжались по двору.

Началась ожесточенная схватка.

Двѣ-три минуты оставшіеся въ тюрьмѣ и наблюдавшіе изъ оконъ не могли понять, кто кого одолеваетъ, но у двери быстро собралось человѣкъ пятнадцать арестантовъ. Почти у всѣхъ были ружья, остальные сбѣгались подъ ихъ защиту.

Солдаты оправились и, столпившись у воротъ, стрѣляли изъ-за лошадей. Нѣсколько арестантовъ было убито у самой двери.

Въ нижнемъ этажѣ уже никого не было.

Баррикадировали лѣстницу и дверь во второмъ коридорѣ.

— Ворота!.. Ура!..

Этотъ торжествующій крикъ грозно пропелся по всѣмъ этажамъ, и еще яростнѣе посыпались кирпичи.

Солдаты заметались по двору.

— Вылазку бы сдѣлать ружья отнять,—сутился какой-то конопатый хилый арестантикъ.

— Теперь ихъ дѣло табакъ...

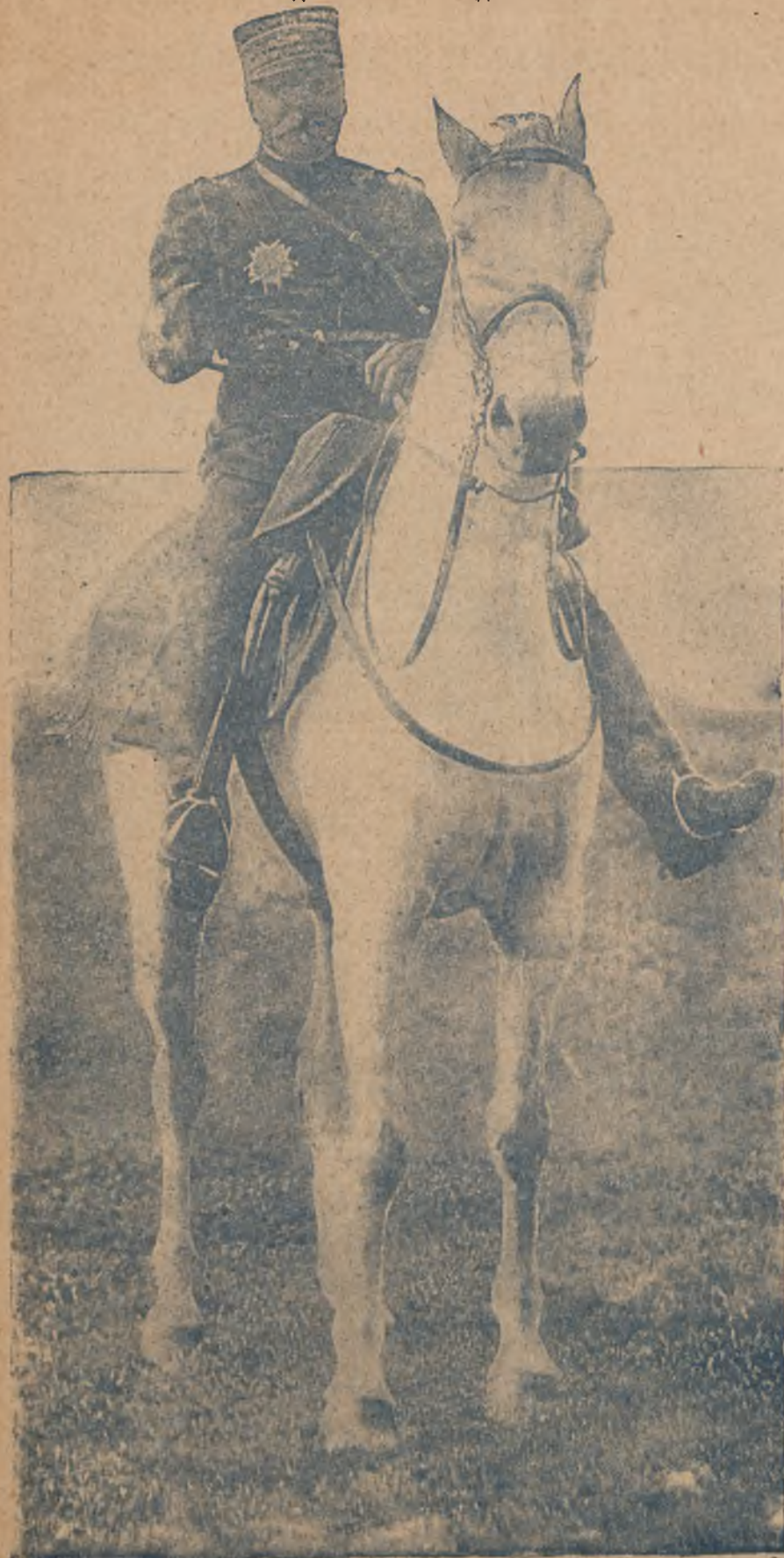
— Сынъ веселѣй.

Напуганныя лошади храпѣли и становились на дыбы. Офицеръ спрятался въ будку и что-то кричалъ оттуда уже не слушавшимъ его солдатамъ.

Съ чердака стали осыпаться битыми стеклами. Казалось, горьма рушилась и вотъ-вотъ, сейчасъ развалится, пото-

Побѣдители и побѣжденные.

Генералъ По, блестящій французскій стратегъ, разбившій германскаго генерала Клука.

Раненый въ бокъ, Скобка кос-какъ добрался до камеры и свалился. Двери во второй этажъ опять были заперты и забаррикадированы.

— И офицера кончили,—торопливо и радостно сообщалъ тотъ конопатый арестантъ, который первый подальше вылезъ.

— Одиннадцать ружей взяли да двѣ сабли.

— Только бы ихніе не подошли.

Горбачевъ держалъ въ зубахъ одинъ конецъ оторваннаго отъ рубахи рукава, которымъ перевязалъ сильно кровоточившую на лѣвой рукѣ рану.

— Патроновъ мало забрали.

— Подождите, ребята, зря не палите. Кто въ солдатахъ служилъ, тѣ—мѣтче.

Когда изъ оконъ засверкали выстрѣлы, солдаты начали было отвѣчать, но послѣ того, какъ у нихъ сразу же вышло четверо, стало ясно, что ихъ можно перестрѣлять по одному, и одинъ изъ нихъ высокій, съ рыжими усами, навязалъ на ружье бѣлый платокъ и поднялъ его надъ собой—въ знакъ того, что они сдаются.

Пятеро арестантовъ вышли къ солдатамъ и отобрали у нихъ ружья. Потомъ ихъ заперли въ одну изъ камеръ.

Тюрьма притихла.

Ворота были отворены, оказалось, что они были приперты снаружки бревнами и дрогами ломовиковъ, взятыми съ находившейся по сосѣдству съ тюрьмой лѣсопилки.

Арестанты окружили на дворѣ Горбачева, который допрашивалъ сидѣвшаго на землѣ раненаго въ ногу пѣмца, что былъ при офицерѣ переводчикомъ. Онъ плакалъ и умолялъ о пощадѣ.

— А много ихъ пришло?—допытывался Горбачевъ.

— Не знаю. Вѣрьте моему честному слову, откуда я могу знать?..

Онъ прикрывалъ плѣшивую голову руками и униженно кланялся.

Александръ Рославлевъ.

Генералъ Клука—одинъ изъ разбитыхъ нѣмецкихъ генераловъ..

По пути въ Россію.

Бриндизи.

IV.

Послѣднія минуты въ Миланѣ приносятъ намъ неожиданно утѣшеніе. Поездъ изъ Мартини пришелъ раньше и привезъ нашъ багажъ, не весь, часть осталась, часть потерялась, но я вижу свой чемоданъ и бросаю посылщику пѣлыхъ пять лиръ на чай... Мельче пѣтъ...

Это приводитъ его въ дикое изумленіе. Онъ долго смотритъ на русскаго вельможу, у котораго такъ мало вельможнаго въ костюмѣ, и когда оберъ даетъ свистокъ, снимаетъ кепи и съ жестомъ, не лишенымъ театральности, восклицаетъ громко:

— Vive la Russie!..

Машинистъ даетъ ходъ впередъ, потомъ ходъ назадъ, минуты двѣ трясетъ насъ на одномъ мѣстѣ такъ, что у насъ колотятся зубы, и перегруженный и обѣленный кругомъ людьми поездъ трогается.

На каждой стціи его осаждаютъ новая масса людей. Это происходитъ одинаково, какъ днемъ, такъ и ночью, и поездъ забираетъ вѣхъ.

Но отъ этого не дѣлается тѣснѣе. Итальянская желѣзнодорожная администрація выказываетъ необычайную предупредительность къ бѣглецамъ, и къ хвосту поезда всюду, гдѣ надо, прицепляются лишніе вагоны.

Бѣгутъ изъ Падуи, Флоренціи, Рима, Неаполя, Генуи, Венеціи. Какъ маленькіе ручьи стекаются съ разныхъ концовъ въ одно море, людскіе потоки съ сѣвера, юга, съ востока и запада, стремятся въ одно мѣсто, на нашу вѣтку: Миланъ—Бриндизи. Тутъ спасеніе.

Русская колонія все растетъ и растетъ. Насъ уже въ поездѣ около ста человѣкъ, но, по слухамъ, въ Бриндизи,—маленькомъ портовомъ городкѣ, населеніе котораго едва-ли превышаетъ населеніе нашей захудалой деревни—еще двѣсти, обложившіе осаднымъ лагеремъ парходное агентство на набережной.

Но бѣгутъ не одни русскіе. Съ нами уйма грековъ, врасплохъ застигнутыхъ въ Италіи войной. Все это почти сплошь кушцы и держатся они спокойно насъ: имъ только до Аѳинъ или Салоникъ.

Они и насъ успокаиваютъ: если не найдемъ итальянскаго парохода, найдемъ греческій. Правда, греческіе пароходы и тѣшпваты, и грязноваты, но не прегулку же мы совершаемъ; какъ-нибудь добьемъ.

— А пропустятъ «грека» черезъ Дарданеллы?

— «Грека»?

Французскій президентъ въ Бордо.

Президентъ французской республики Пуанкаре торжественно въѣзжаетъ въ Бордо, куда переселилось все правительство изъ опасенія быть отрѣзаннымъ при предположенномъ обложеніи Парижа германцами.

Греки мнутъ.

— Пѣтъ, не пропускать!

Это общее опредѣленное мнѣніе. Но есть, оказывается, выходъ: если мы и съ Нишею не найдемъ итальянскаго парохода, который взялся бы довезти насъ до Одессы, мы можемъ добхать до Салоникъ и направиться дальше сухимъ путемъ черезъ Нишею и Софію на Варну. Оттуда уже рукой подать до Одессы.

Нишею, Софія, Варна—это Сербія, Болгарія и Румынія. Сербія, конечно, пропуститъ насъ, а Болгарія и Румынія?

Греки, люди разсудительные, хорошо знающіе своихъ сосѣдей, болгаръ и румынъ, говорятъ, что и тѣ, и другіе пропустятъ, такъ какъ не опредѣлилось еще, на чьей изъ воюющихъ сторонъ перевѣсъ.

— Вотъ, если бы оказалось, что Германія осилится... Но этого пѣтъ, значить и тревожиться пока нечего. Господа румыны и болгары будутъ выжидать, какъ можно дольше и выступать толь-

ко тогда, когда никакихъ сомнѣній ужъ не будетъ—будьте увѣрены...

Мы пробуемъ вѣрить и пробуемъ успокоиться. Теперь насъ много и мы не чувствуемъ такъ своей брешности и своего одиночества: какъ сдѣлаютъ другіе, такъ и мы.

Въ нашемъ купѣ три грека. Одинъ, маленькій, худой, пожилой, съ интеллигентнымъ, очень болѣзненнымъ лицомъ; второй тоже пожилой, но высокій, съ полнымъ бритымъ лицомъ и великолѣбною гривой сдѣланныхъ волосъ, очень похожій на актера, за котораго мы его и принимаемъ, третій молодой, веселый, рыжеватый.

Всѣ трое великолѣпно говорятъ на всѣхъ языкахъ не только европейскихъ, но, кажется, и азиатскихъ. Но крайній мѣръ, когда къ намъ заглядываетъ въ купѣ какой-то турокъ, молодой заговоривавъ съ нимъ по-турецки такъ же свободно, какъ недавно говорилъ по-французски.

Они стоятъ за Россію горой и вѣрятъ въ нашу конечную побѣду, а къ намъ, чужимъ имъ людямъ, относятся съ уди-

вительной сердечностью, стараются изъ всѣхъ силъ, чтобъ намъ было удобно и хорошо, и оказываютъ намъ тысячи мелкихъ, неоцѣнимыхъ въ пути, услугъ.

Они знаютъ порядки итальянскихъ дорогъ, знаютъ наизусть всѣ остановки, гдѣ сколько поѣздъ стоитъ и гдѣ что можно достать, и въ нашемъ маленькомъ тѣспомѣ купѣ, гдѣ мы, не умѣяще ничего раздобыть, задыхаемся отъ жары и тѣспоты, появляются и апельсины, и виноградъ, и персики, и лимонады.

Въ особенности услужливъ актеръ—воплощенная скромность, въ противоположность актерамъ всей вселенной. Онъ занимаетъ крохотное мѣстечко въ ногахъ одной изъ нашихъ спутницъ, которая свалилась отъ смертельной усталости и заняла весь диванчикъ, и надо видѣть, какъ онъ съезживается, какъ прижимается всей своей грузной фигурой къ стѣнкѣ, чтобъ дать ей возможность лучше вытянуть ноги. Онъ тоже утомленъ, лицо у него желтое, подъ глазами круги, но видно, что онъ готовъ вскопчить каждую секунду, если это понадобится.

На одномъ перегонѣ онъ куда-то уходитъ и возвращается спустя полчаса сіяющий, съ подушкой и толстымъ одеяломъ. Послѣ жаркой борьбы онъ отвоевалъ это у проводника, гдѣ-то въ хвостѣ поѣзда, и пронесъ черезъ всѣ, биткомъ набитые, вагоны, черезъ груды живыхъ тѣлъ и мимо сотенъ завистливыхъ глазъ, чтобъ уставшая могла удобнѣе устроиться. Другой нашей спутницѣ онъ перенаковываетъ, по ея просьбѣ, развязавшійся и расползшійся портъ-плэдъ и дѣлаетъ это съ рѣдкостнымъ терпѣніемъ и знаніемъ дѣла, словно ничѣмъ другимъ никогда не занимался.

Вѣдь на немъ довольно свѣжее, но платье сильно помятое и потертое, и мы рѣшаемъ, что этотъ милый и обязательный человекъ—актеръ безъ ангажемента. Да и какой можетъ быть ангажементъ для него въ настоящее время: вѣдь, Греція тоже на военномъ положеніи.

У насъ мелькаетъ мысль непременно чѣмъ-нибудь отблагодарить его при прощаньи и остановка только за однимъ: мы не знаемъ, какъ это сдѣлать удобнѣе, чтобъ онъ не обидѣлся.

А пока что наши дамы жестоко пользуются его добротой. Онъ съ нимъ уже на короткой пріятельской ногѣ и мало церемоняется.

— Послушайте, голубчикъ, нельзя ли, чтобъ намъ принесли пирожковъ...

— И бутербродовъ съ телятиной...

— И воды со льдомъ...

Съ неизмѣнной улыбкой онъ приноситъ и пирожки, и бутерброды съ телятиной, и воду со льдомъ и скромно усаживается на свое мѣсто.

Онъ, оказывается, бывалъ въ Россіи и очень интересуется ею. Онъ интере-

Историческая открытка.

Изображенная здѣсь открытка была выпущена въ Вѣнѣ въ день объявленія войны Россіи. Текстъ открытки гласитъ: «Тройственный союзъ объявилъ войну Россіи». Поторопились австріяки!

суется, вообще, всѣмъ, и мы все болѣе убѣждаемся, что онъ—какое-то исключеніе въ своей средѣ. Это вполне интеллигентный человекъ, обладающій большими основательными знаніями въ

Внукъ короля—солдатъ.

Принцъ Гастонъ, герцогъ д'Э, внукъ послѣдняго французскаго короля, поступившій рядовымъ во французскую армію, сражающуюся противъ германцевъ.

самыхъ разнообразныхъ областяхъ, откликающейся на любую тему.

Наша признательность къ нему растетъ съ каждой минутой. Онъ не только занимаетъ насъ, не только услуживаетъ дамамъ, онъ даетъ намъ цѣпшья указанія относительно дороги, все время поддерживаетъ въ насъ бодрость и, въ концѣ концовъ, предлагаетъ взять на себя въ Бриндизи всѣ хлопоты по доставкѣ намъ билетовъ.

Это добытіе билетовъ—самое ужасное, что ждетъ насъ впереди, о чемъ мы боимся и думать.

Всѣ, что ѣдутъ, весь этотъ длинный-длинный, перегруженный, все увеличивающійся, благодаря прицѣпкамъ, поѣздъ—наши конкуренты, помимо той массы людей, которые обосновались уже въ Бриндизи и ждутъ только прибытія парохода, чтобы первыми броситься на штурмъ агентства. Да и придутъ-то пароходы уже переполненными, такъ какъ Бриндизи—не пунктъ отправленія. Можно ли надѣяться добыть мѣста хотя бы въ трюмѣ, если пароходъ, какой-бы онъ ни былъ, можетъ принять только определенное количество людей и если нельзя даже прибѣгнуть къ тѣмъ уловкамъ, къ какимъ прибѣгаешь при нуждѣ на желѣзныхъ дорогахъ, то-есть, сѣсть безъ билетовъ?..

Нашъ актеръ ручается за успѣхъ; онъ говоритъ, что у него какія-то связи въ агентствѣ.

— Не знаю вотъ, какъ со спальными мѣстами, но билеты у насъ будутъ... Впрочемъ, погода такъ хороша, что мы и безъ каютъ обойдемся. Отлично устроимся на палубѣ...

— Хотя бы на трубѣ, хоть бы въ сорной корзинѣ... Только бы попасть...

— Попадёмъ. И столь у насъ тоже будетъ, возьму билеты второго класса.. Вы только не волнуйтесь...

Мы не знаемъ, какъ выразить ему нашу горячую, изступленную благодарность. Мы увеличиваемъ мысленно вдвое ту сумму, какую ассигновали ему на подарокъ. Только бы онъ не отказался!

— А вы сами куда ѣдете?

— Въ Афины. Такъ что до Пирея мы вмѣстѣ...

Мы хотѣли бы разспросить его кое о чемъ, касающемся его лично, подробнѣе—несомнѣнно же онъ безъ дѣла, ибо какое теперь актерское житье?—но онъ такъ скромненько, что мы не рѣшаемъ этого дѣлать. Но въ Пиреѣ пароходъ стоитъ дѣлая сутки. Можно будетъ, слѣдовательно, сѣздить въ Афины, съ нимъ же вмѣстѣ, и тамъ купить... или даже просто предложить взаймы... Что тутъ неловкаго?

Мы пользуемся первой минутой, когда онъ выходитъ изъ купѣ, и наводимъ о немъ справки изъ его сородичей, съ которыми онъ время отъ времени переговаривался по-гречески.

Жертвы нѣмцевъ.

Жители бельгійской деревни, бросившіе вѣками насиненныя гнѣзда, спасая свою жизнь отъ приближающихся германскихъ полчищъ.

Маленькій, болѣзненного вида, грекъ ласково и охотно даетъ намъ требуемыя справки:

— Это, видите ли, профессоръ патологін Х...

Онъ называетъ очень громкое въ медицинѣ имя.

— ... и ректоръ Аѳинскаго университета!

Поѣздъ давно уже мчится вдоль побережья Адриатическаго моря. И оно все передъ нами, сонно-лѣбливое, съ застывшей, словно сгустившейся, лазурной водой. Тамъ, на той сторонѣ, вт. Далмаціи, мы знаемъ, австрійскій флотъ, и гдѣ-то, близко, его караулятъ англійская и французская эскадры. Но мы этого не видимъ.

Мелькаютъ парусники, тихія курортныя мѣстечки съ кабинками на берегу и группки купающихся, бѣлыя дачки въ зелени, гелія бронзовыя дѣтиски, бродяція, какъ болотныя птицы, по водѣ...

Мы все болѣе и болѣе приближаемся къ берегу, и поѣздъ все болѣе и болѣе переполняется. Появляются новые пассажиры.

Новые пассажиры—новыя вѣсти, и мы узнаемъ цѣлый рядъ вѣстей, о которыхъ ни вчера, ни сегодня, ни еще часъ тому назадъ представляли не имѣли. Событія разыгрываются, оказывается, съ неслыханной быстротой и, хотя война только-только объявлена и началась, съ нами обстоитъ уже очень плохо. Либавъ взята нѣмцами и сожжена до тла, Польша не существуетъ больше, она присоединена къ Германіи. Петроградъ осажденъ и съ минуты на минуту ждутъ телеграммы о вступленіи туда нѣмцевъ съ кромѣившимъ во главе. Помимо того

въ Россіи холера, чума, сибирская язва и революція: народъ требуетъ, чтобы имъ управляли нѣмецкіе губернаторы.

Насъ увѣряютъ, что вѣсти эти изъ первыхъ рукъ и сомнѣваться въ нихъ не надо.

Нашъ милый актеръ,—профессоръ и ректоръ аѳинскаго университета, передъ которымъ намъ немножко стыдно за пирожки и бутерброды, съ улыбкой вы-

таскиваетъ изъ кармана какой-то смятый нѣмецкій газетный листокъ.

— И представьте, что люди ничего отъ себя не прибавили,—говоритъ онъ. —Очень рѣдкій случай. Тутъ вы найдете про все это, отъ слова до слова. Это телеграммы агентства Вольфа!

Листокъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Женщины, слушавшія сначала растерянно, съ ужасомъ, готовыя повѣрить, если не всему, то хоть части, облегченно вздыхаютъ и тоже начинаютъ улыбаться. Про знаменитое агентство Вольфа и онъ слышали.

Среди толковъ время проходитъ незамѣтно... Вотъ уже и Вери... А вотъ и Бриндизи, наконецъ, и поѣздъ, пытая и изнемогая, подходитъ къ перрону.

Ректоръ сейчасъ же сходитъ. Онъ беретъ съ собой нашего казначея, поручаетъ намъ свои вещи и исчезаетъ...

А спустя часъ подъ перекрестными взглядами любопытныхъ итальянцевъ, сопровождаемые торжествующими и улюлюкающими мальчишками, которые во всемъ мірѣ одинаковы, мы, нагруженные, какъ верблюды, рядомъ съ носильщиками, вдвое противъ насъ нагруженными, шествуемъ черезъ весь городъ, состоящій изъ одной улицы, къ пристани, идѣ насъ ждетъ великолѣпный итальянскій пароходъ «Турино».

Ректоръ выполнилъ, что обѣщалъ. Билеты добыты и даже безъ схватки, какимъ-то окольнымъ таинственнымъ путемъ.

(Прод. въ слѣд. ном.).

Левъ Максимъ.

Бельгійская семья, оставшаяся безъ крова и пристанища послѣ германскаго разгрома

Охота на германскихъ летчиковъ.

Познакомился я съ нимъ въ Иванову почъ....

Всѣ изъ нашего пансіона разбрелись, кто куда. Одни пошли на берегъ рѣки смотрѣть, какъ жгутъ смоляныя бочки, другіе направились въ паркъ, къ развалинамъ, разумѣется, преимущественно женщины, поэтически настроенныя, и въ саду пансіона остался только я одинъ. Убѣжала и прислуга.

Я вошелъ въ одну изъ маленькихъ бесѣдокъ и убѣдился, что тамъ имѣется еще другое человѣческое существо.

Въ уголку, прижавшись къ стѣнкѣ, сидѣлъ старенькій человѣчекъ и любовался на нѣсколько десятковъ шкаликовъ, освѣщавшихъ фронтопъ пансіона—незатѣйливая иллюминація нашего дома.

Старикъ улыбался, на его изрѣзанномъ морщинами лицѣ расплылось выраженіе удовольствія, выпѣтшіе глазки были устремлены на мигающіе огоньки, впавший ротъ сложился въ улыбку.

Я не сталъ мѣшать ему и удалился молча. Это былъ старикъ-садовникъ. Какъ его звали, мнѣ не было извѣстно. Говорили только, что ему болѣе сотни лѣтъ, но для своего возраста онъ былъ достаточно бодръ и подвиженъ.

О чемъ думалъ дѣдъ въ эту минуту? Вспоминалъ ли онъ давно прошедшія времена, всѣ радости невозвратной молодости, грезилось ли ему беззаботное дѣтство, товарищи, веселыя игры въ эту полную таинственности прелести Иванову почъ, переломъ лѣта... Кто знаетъ?

Съ тѣхъ поръ я только еще разъ видалъ стараго садовника, когда онъ привязывалъ къ колышкамъ разметанные ночнымъ дождемъ въ клумбѣ цвѣты. Онъ мнѣ показался совсемъ ветхимъ старцемъ...

Миновали июньскіе дни. Надвинулся удушливо жаркій июль. Въ лугахъ запахло ароматомъ скошенной травы, зашлепѣли колосыя озимыхъ хлѣбовъ, заволновалась желтая пшва, точно безбрежное море, созрѣвалъ хлѣбъ.

Скоро и жатва. Зерно налилось добротное, янтарное. Радуются хлѣборобы. По почамъ зарницы заблестали, кой когда легкой, теплой дождикъ вспрыскивался, освѣжалъ, но не вредилъ хлѣбу.

У насъ въ пансіонѣ время было мирное, лѣтне-лѣтнее.

Всѣ отдыхали отъ зимнихъ занятій, жили растительной жизнью, много гуляли, казалось, что и конца не будетъ такому уместившему прозябанію.

Это было 19-го июля...

Стояла удушливая почъ. Несмотря на открытое окно, въ комнатѣ было печѣмъ дышать. Мнѣ не спалось. Я чиркнулъ спичку, посмотрѣлъ на часы: близилось къ полуночи. Огонь совершенно прогналъ мой сонъ, я наскоро одѣлся, спустился по лѣстницѣ въ нижній этажъ и выбрался въ садъ, оттуда было недалеко пройти и на дорогу.

Шоссе пролетало подъ сѣбью густыхъ каштановъ и вязовъ. И днемъ-то оно было полно таинственнаго сумрака, а теперь это была какая-то бездонная пропасть, зияющая темнота...

Ощунавъ руками, я перешелъ на другую сторону дороги и сѣлъ на каменную тумбочку.

Темнота сконцентрировала мои мысли, я чувствовала какую-то особенную жуть отъ этого невольнаго одиночества, отчужденность...

Я зналъ, что направо, черезъ нѣсколько десятковъ

Англійскіе солдаты съ крыши дома обстрѣливаютъ германскій аэропланъ, вылетѣвшій на развѣдки.

саженъ, лежали ворота замка, за которыми притаились древнія развалины, на лѣвую руку шоссе убѣгло въ поле, минуя тоже очень старое зданіе общественаго зернохранилища.

Теперь не помню: долго ли находился я въ такомъ абсолютномъ состояніи покоя. Окружающая тишина и темнота буквально давили меня.

Неожиданно пропесѣйся какой-то глухой стонъ заставилъ меня вздрогнуть. Меня охватилъ страхъ. Секунда, другая, стонъ снова пропесѣя, еще жалостивѣе, еще тяжелѣе...

Снова наступила тишина. Я онѣмѣлъ... Не зналъ, бѣжать ли мнѣ обратно или ждать. Изъ этого оцѣпенѣнія меня вырвалъ человѣческій голосъ. Кто-то бормоталъ... Словъ я не могъ разобрать.

Я обрадовался случайному сосѣду и, стараясь сдерживать волненіе, спросилъ:

— Кто тутъ?

Недалеко отъ меня послышалось слабое шуршаніе, шлепанье шаговъ, ко мнѣ кто-то подошелъ и на плохомъ русскомъ языкѣ проговорилъ:

— Не бойтесь, это я.

Слова его успокаивающе на меня подѣйствовали. Я чиркнулъ спичку и посмотрѣлъ на говорившаго. Это былъ старій садовникъ.

— Слышали?—подавленнымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Да. Что это такое?

— Земля плачетъ, она чувствуетъ кровь, много прольется ей,—тихо говорилъ старикъ.— Не первый разъ я слышу

Сэр Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

этотъ плачь. О, я его уже слышала много лѣтъ назадъ и тогда былъ онъ справедливъ...

Объятый ужасомъ, я молчала. Сердце усиленно билось, слова садовника показались мнѣ пророческими, хотя въ эту минуту я не могъ себя представить, не могъ вообразить, что они означаютъ...

— Много прольется крови, пашквозь прощитается ею земля... Вотъ она и стоять, ей тяжело принять человѣческую кровь,—бормотала старикъ.

Таинственные звуки больше не повторялись. Все успокоилось. Надъ вершинами вязовъ и каштановъ прошепелъ вѣтерокъ, они зашумѣли кронами. Темнота немного разсѣялась, изъ-за строеній пролился слабый лучъ луны, онъ упалъ на группу изъ нѣсколькихъ деревьевъ, отъ нихъ протянулась по травѣ слабая тѣнь.

Мои глаза невольно устремились на колышущіяся тѣни, фантазія разыгрывалась, тѣни волновались, складывались въ формы, вырѣзывались очертанія. Я вздрогнула, когда до моей руки коснулась высохшая рука стараго латыша.

— Смотрите,—прошептала она, указывая на тѣнь отъ луны, — смотрите внимательно!

Творилось что-то странное.

Была ли это игра воображенія, или какое-нибудь непонятное, таинственное явленіе, имѣвшее начало гдѣ-то тамъ, далеко, въ невѣдомыхъ намъ силахъ...

На тѣни вырисовывалась громаднаго роста бѣлая женщина, движенія ея были величавы, она подняла правую руку, вотъ вырисовалось лицо, очертился станъ; да, это русская одежда, сарафанъ, на головѣ кокошникъ.

Еще мгновение и около нея появилась другая фигура, тоже громадная, она волновалась и затѣмъ сложилась въ яркую форму солдата въ каскѣ, со штыкомъ на перевѣсь. Солдатъ направилъ

штыкъ противъ женской фигуры, готовясь ироткнуть ее...

Я затаялъ дыханіе, поражаясь все больше и больше этимъ явленіемъ. Нѣсколько короткихъ мгновений... штыка больше нѣтъ, ружье свалилось, фигура солдата откинулась назадъ, а бѣлая женщина попрежнему величаво красуется, съ неподвижно поднятою въ высь рукой...

— Видѣлъ? — торжественнымъ интонатомъ сказалъ мой страшный собесѣдникъ, невольно переходя на ты.—Запомни, господи! Это вѣщее... Богомъ намъ дается...

Не помню, какъ добрался до нашего пансіона; я былъ весь полонъ этимъ страшнымъ случаемъ, этимъ таинственнымъ явленіемъ...

А черезъ нѣсколько часовъ телеграфъ принесъ намъ извѣстіе, что война объявлена.

Вотъ что видѣлъ я и слышалъ въ старинномъ Зегевольдѣ 19-го іюля 1914 года.

Г. Сѣверцевъ-Полиловъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Англійскій Король Георгъ V.

штыкъ противъ женской фигуры, готовясь ироткнуть ее...

Я затаялъ дыханіе, поражаясь все больше и больше этимъ явленіемъ. Нѣсколько короткихъ мгновений... штыка больше нѣтъ, ружье свалилось, фигура солдата откинулась назадъ, а бѣлая женщина попрежнему величаво красуется, съ неподвижно поднятою въ высь рукой...

— Видѣлъ? — торжественнымъ интонатомъ сказалъ мой страшный собесѣдникъ, невольно переходя на ты.—Запомни, господи! Это вѣщее... Богомъ намъ дается...

Не помню, какъ добрался до нашего пансіона; я былъ весь полонъ этимъ страшнымъ случаемъ, этимъ таинственнымъ явленіемъ...

А черезъ нѣсколько часовъ телеграфъ принесъ намъ извѣстіе, что война объявлена.

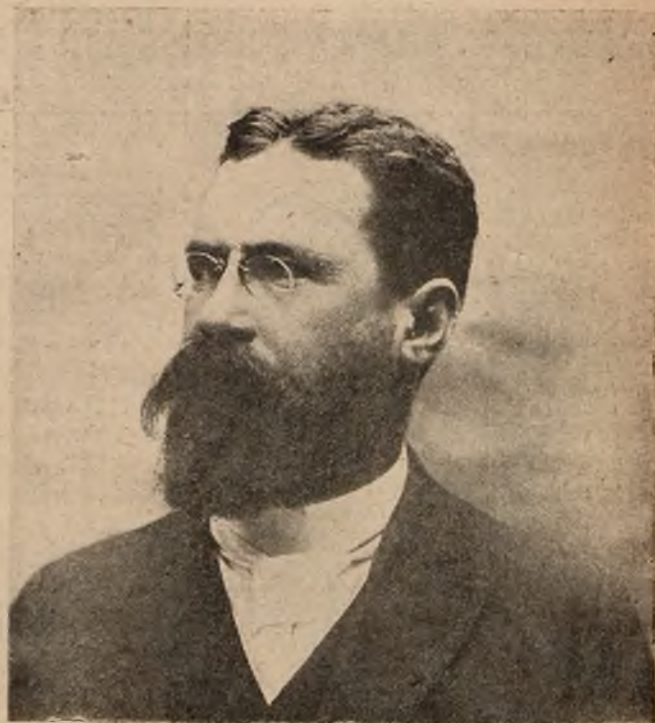
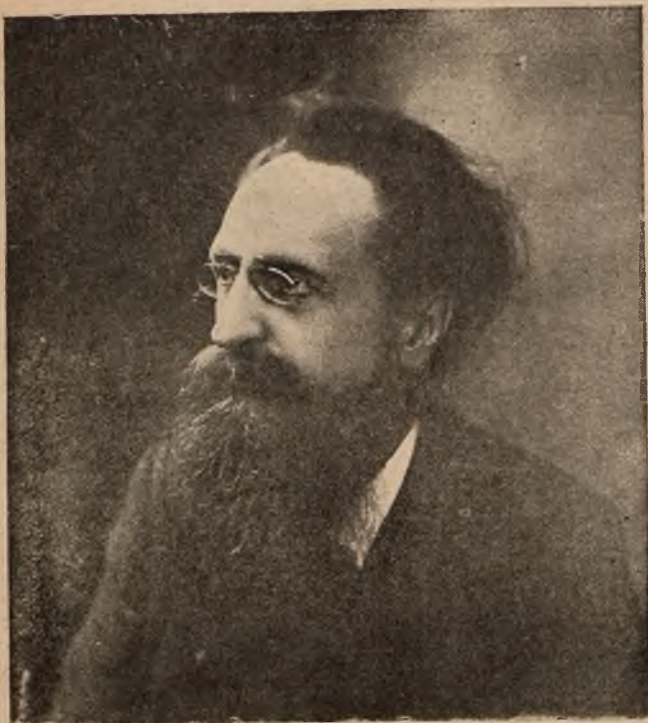
Вотъ что видѣлъ я и слышалъ въ старинномъ Зегевольдѣ 19-го іюля 1914 года.

Г. Сѣверцевъ-Полиловъ.

Сэръ Эдуардъ Грей, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Французскіе министры-соціалісты.

Во Франціи составлено министерство національной обороны, въ составъ котораго вошли два знаменитыхъ вождя соціалістовъ, Марсель Самба и Жюль Гедъ, непримиримые враги германскаго милитаризма.

Поборникъ мира.

На фонѣ сумерекъ языки пламени вылетали, какъ стая красныхъ птицъ, крутящіяся, бѣшеные... Инзбать горѣлъ съ полудня. На зарѣ явились уланы, забрали хлѣбъ, скоть и послѣ грандіознаго кутежа облили керосиномъ балки въ садахъ и ставни въ домахъ и подожгли со всѣхъ сторонъ городокъ.

На церковной паперти лежалъ старый звонарь Гансли, пригвожденный штыкомъ. У кладбища громоздилась куча труповъ. Здѣсь были мэръ и священникъ городка, разстрѣлянные за то, что не хотѣли привѣтствовать врага, и трупы женщинъ, виновныхъ лишь въ томъ, что имѣли мятежныхъ сыновей, осмѣливавшихся бороться противъ германскаго ига.

Между границей и линіей французскихъ войскъ германскія орды, до объявленія войны, уже грабили, жгли и убивали. Уже тогда поднялась въ нихъ жажда разрушенія и насилія надъ слабыми, столь характерная для побѣдителей когда они варвары.

Бенедиктъ Жюсть стоялъ у окна. Его вилла, одиноко возвышавшаяся въ концѣ главной улицы Инзбата, среди рододендроновъ, розъ и фіалокъ, одна лишь уцѣлѣла. Какъ бѣлый островъ, она выдѣлялась на свѣжей зелени. Болѣе 30 лѣтъ Жюсть жилъ здѣсь въ одиночествѣ, мечтая о всеобщемъ мирѣ на землѣ. Живя въ мирѣ книгъ и идей, сроднившись съ ними, онъ знать ничего не хотѣлъ объ отечествѣ и презиралъ солдатъ. На всѣхъ конгрессахъ его голосъ гремѣлъ противъ вооруженій. Фанатикъ мира, онъ отказался отъ женитьбы, чтобы не быть вынужденнымъ видѣть своего сына въ рядахъ арміи. Въ

защиту всеобщаго мира Жюсть написалъ книгу, въ которой доказывалъ, что оплотомъ мира въ Европѣ является Вильгельмъ, императоръ германскій.

Его слушали даже во Франціи, впрочемъ, здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Берлинская академія наукъ увѣнчала его книгу, и Жюсть, презиравшій всѣ отличія, не остался нечувствительнымъ къ орденскимъ ленточкамъ, присланнымъ кайзеромъ и германскими принцами. Больше того, досада непризнаннаго на родинѣ мыслителя заставила его даже сказать, что Франція уже не идетъ въ авангардѣ народовъ.

Онъ смотрѣлъ теперь на горящій городъ. Вопли женщинъ иногда прорывались среди свиста и воя пламени... Совсѣмъ близко, за изгородью виллы, слышался чей-то тихій стонъ, непрерывный, раздражающій, полный слезъ, слабости и боли; то дѣляясь громче, то слабѣя, онъ проходилъ всю гамму страданія и страха.

Старый ученый, дрожа, слушалъ этотъ стонъ... Ему казалось, что въ душѣ его рушится все, чѣмъ онъ до сихъ поръ жилъ, что было его вѣрой.

Онъ спустился. Во рву, среди сухой травы и колючекъ, лежалъ ребенокъ лѣтъ четырехъ съ израненными ногами... Въ десяти шагахъ германскіе кавалеристы смѣялись и шутили подлѣ своихъ осѣдланныхъ лошадей.

Появленіе старика было встрѣчено шумными криками привѣтствія. Одинъ изъ офицеровъ бросился къ нему навстрѣчу.

— Господинъ докторъ, уважаемый учитель, мы назначены охранять вашу домъ. Я—Вильгельмъ фонъ-Ворстъ, капитанъ запаса и приватъ-доцентъ Гейдельбергскаго университета. Мы такъ много вамъ обязаны, дорогой профессоръ. Ваша книга принесла огромную пользу Германіи. Благодаря ей, никто не хотѣлъ и думать о нашихъ пресектахъ. Вы были оградой нашей мобилизаціи,

и поэтому никто не будетъ тронуть тамъ, гдѣ вы живете. Баронъ фонъ-Гримахъ, начальникъ отряда, поручилъ мнѣ передать вамъ, что будетъ у васъ сегодня съ визитомъ и надѣется у васъ отобѣдать, такъ какъ вашъ домъ одинъ лишь уцѣлѣлъ. Приготовленій никакихъ не надо, съ нами будетъ все необходимое, у этихъ дѣтей Ваала мы нашли хорошія вещи. Солдаты, «Ночъ» въ честь доктора Жюста!

Докторъ ничего не отвѣтилъ и показлъ на ребенка.

— Онъ звалъ свою мать, одинъ изъ моихъ солдатъ и придавилъ его немного сапогомъ. Теперь онъ близко къ землѣ, нашей общей матери, какъ учатъ философы, — со смѣхомъ отозвался капитанъ.

Бенедиктъ Жюсть снялъ очки и, поднявъ ребенка, направился съ нимъ въ домъ, бросивъ офицеру:

— Дорогой коллега, передайте генералу, что я буду очень радъ его видѣть.

— Къ чему быть ученымъ, если не умѣешь раздѣть этого бѣдняжку. Къ счастью, онъ не такъ плохъ, какъ я думалъ,—бормоталъ Жюсть, входя въ домъ.

Ребенокъ замолчалъ и скоро уснулъ подъ вліяніемъ наркотиковъ. Старый ученый радостно наблюдалъ его спокойный сонъ.

Такъ вотъ она, его мечта! Онъ былъ одураченъ словами и книгами. Вся философія, заявленія, конгрессы свободной Германіи готовили, значить, лишь эту армію варваровъ противъ свѣтлаго юга! До объявленія войны, исподтишка, какъ хищный звѣрь, подстерегающій газель у водопоя, они бросились на рога и деревни его родной Франціи, и онъ, онъ былъ сообщникомъ измѣны. И эти орды вели профессора! Для этихъ людей книги были лишь маской.

Тоскливымъ взглядомъ онъ обвелъ

Дѣти запасныхъ.

Ребятишки за игрой въ дневномъ убѣжищѣ Императорскаго человѣколюбиваго общества.

(Съ фот. I. Оцуль).

ряды книгъ, нагроможденныхъ вдоль стѣны.

— Книги обманули! Но это не обманетъ, и, взявъ съ этажерки небольшой хрустальный флаконъ, онъ вышелъ изъ лабораторіи, гдѣ раненый малютка сосалъ во снѣ свой палець.

Въ саду, гдѣ были разставлены столы, послѣ шампанскаго спали всѣ, начиная отъ генерала и кончая подпоручикомъ. Одинъ Бенедиктъ Жюсть бодрствовалъ. Онъ ждалъ...

Онъ ждалъ съ револьверомъ въ рукахъ, сидя рядомъ съ барономъ Гримахъ. — Лишь бы Жакъ не имѣлъ скверной встрѣчи!

Прошло два часа. Бенедиктъ Жюсть не спускалъ глазъ съ главнаго гостя.

Вдругъ дверь въ садъ открылась и въ нее, полусогнувшись, скользнулъ Жакъ, служитель при лабораторіи, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ-стрѣлковъ и отряда солдатъ.

Нѣмцы были окружены. — Попались, убійцы!.. Но почему вы до сихъ поръ не покончили съ вашимъ сосѣдомъ, профессоръ?—спросилъ капитанъ стрѣлковъ.

— Я боялся разбудить раненаго ребенка тамъ, наверху: онъ нуждается въ покоѣ, — отвѣтилъ Жюсть.

Перев. В. М.

Война и театръ.

1.

О театрѣ масса, толпа, публика всегда думаетъ, какъ о развлеченіи.

Теперь нужно, чтобы всѣ почувствовали, что театръ хлѣбъ насущный.

2.

Пусть театръ на время войны будетъ тѣмъ великимъ источникомъ бодрости, твердости, подъема духа, источникомъ великодушнаго и самоотверженнаго порыва, той великой кафедрой для народа, которою онъ бы долженъ быть всегда.

Но наша обыденная жизнь полна, по неволѣ, компромиссовъ, а время войны— время исключительныхъ дѣяній, и театръ

вслѣдъ за всѣмъ, тоже можетъ ярче порываться къ идеаламъ.

И пусть репертуаръ русскаго театра, въ лицѣ его руководителей и авторовъ, проникнется тѣмъ великимъ подъемомъ, объединеннаго въ одномъ порывѣ, народа, подъемомъ, который теперь чувствуешь во всемъ, въ воздухѣ, которымъ дышешь.

А актеръ это—такой чувствительный

инструментъ, что только дай ему арену, а онъ, уже насыщенный до краевъ окружающимъ насъ электричествомъ подъема духа великаго народа, дастъ вамъ такіе моменты вдохновенія, которыхъ вы никогда не забудете, такъ захватить толпу, что она готова будетъ ринуться за нимъ куда угодно.

И театромъ во время войны нужно дорожить!

Нужно его лелѣять!

И онъ сторицей возвратитъ то, что вы ему дадите.

Онъ разбудитъ, въ комъ еще дремалъ, духъ Мининыхъ и Пожарскихъ, духъ мужиковъ и бабъ двѣнадцатаго года, онъ поддержитъ насъ въ минуты испытаній и сольется въ одинъ стройный аккордъ съ нашими душами въ яркіе моменты краснаго солнышка побѣдъ нашихъ богатырей духа и силы.

3.

Мы видимъ, что несемейная актерская громада уже ринулась въ добровольческія дружины, счастливая тѣмъ, что земля не приковала ихъ цѣплями къ себѣ и они могутъ устремиться въ «одинъ потокъ движенія мірового», охватившаго теперь всѣ страны и всѣхъ людей, въ комъ не умерла еще «наивная» вѣра въ идеалы, въ цивилизацію, въ культъ истины,—въ торжество духа надъ тупымъ матеріальнымъ началомъ, въ дарованіе Богомъ вѣчнаго «мира мірови», въ то, что, наконецъ, проклятый милитаризмъ перестанетъ высасывать послѣдніе соки изъ народовъ, и всѣ силы ихъ пойдутъ на мирное великое строительство общественной жизни на началахъ справедливости и права; они идутъ отдавать въ

Герои на отдыхѣ.

Раненые, доставленные съ полей сраженія въ Петроградъ и находящіеся на излеченіи въ Обуховской больницѣ.

(Съ фотогр. С. Магасинера).

Погибшій летчикъ.

Авиаторъ В. К. Евсюковъ, погибшій на-дняхъ подъ Петроградомъ во время пробнаго полета.

(Съ фот. К. Булла).

жертву Молоху-Марсу свои жизни рядомъ со своими братьями, со всѣмъ народомъ, и они безмѣрно счастливы, что ихъ жертвы—это жертвы искупительныя.

Да, они счастливы: они могутъ это сдѣлать, и пусть дѣлаютъ, пусть идутъ, пусть всѣ идутъ; а кто не можетъ, тотъ пусть несетъ свою лепту труда и таланта въ великій театръ, всегда великій въ своей сущности, и еще болѣе великій въ этотъ великій историческій моментъ мировой войны за всесвѣтныи миръ и культуру.

Загаровъ.

Бельфорскій левъ.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ и наступитъ годовщина геройскихъ сраженій французскихъ войскъ съ германскими въ 1871 г. подъ Бельфоромъ.

Мужественная крѣпость, дравшаяся одинъ на одинъ съ превосходными силами непріятели и успѣвшая заключить почетный миръ.

Гордость Франціи, которая никогда не забудетъ нанесенной ей раны.

Ежегодно толпы парижанъ манифестируютъ передъ памятникомъ, дороже и роднѣе котораго нѣтъ для сердца французовъ.

И наступающая годовщина несетъ новыя испытанія и новые потоки крови благородной красивой страны.

Франція наканунѣ отмщенія. Измученный, голодный, усталый—бѣшенно атакуетъ ее прежній врагъ. Въ быстротѣ его натиска—весь расчетъ на легкую побѣду.

Вновь затоптать скржавленную ступню живописныя, мирныя улицы величайшаго изъ великановъ-городовъ хочетъ грубая солдатская нога германизма.

Вновь варварскимъ стадомъ, подобнымъ ордамъ дикихъ гунновъ, хотятъ прорваться нѣмцы въ столицу столицъ.

Черныя тѣни ползутъ на гордый свѣточъ міра.

Со всѣхъ концовъ стягивается мучительный мракъ.

И не хочется вѣрить, что казарма опять возьметъ верхъ надъ храмомъ искусства и науки, что солдатъ съ барабаномъ осилитъ художника, поэта и мыслителя,—

что трескъ ружей заглушитъ лучшіе голоса человечества.

Бельфорскій Левъ!

Твой часъ отмщенія наступилъ. Весь культурный міръ—съ тобою.

Съ этой годовщины ты долженъ стать не символомъ грядущаго отмщенія, а памятникомъ послѣдней и славной побѣды свѣта и цивилизаціи надъ грубой деспотіей варварства и тьмы.

Романъ Корцевъ.

* * *

Трепещетъ сердце въ святомъ восторгѣ,
Услыша вѣсти въ родномъ краю—

Святой Георгій
Опять въ бою!...

Въ рядахъ славянства онъ мстью дышетъ
И змѣй слабѣетъ и ищетъ норъ,
Онъ ясно слышитъ свой приговоръ,
Свой приговоръ...

Земля устала и сердцу мнится,
Что скоро, бою отдавъ экстазъ,
Копье вонзится

Въ послѣдній разъ!...

Замолкнутъ клики кровавыхъ оргій,
И только будутъ среди полей
Святой Георгій
И... мертвый змѣй!....

Сергій Михѣевъ.

Англійская артиллерія во Франціи.

Мощные автомобили ночью перевозятъ тяжелыя полевые орудія съ одной позиціи на другую.

Геройское самопожертваніе.

Въ странѣ алмазовъ.

Письмо изъ
Трансваала.

Страшный пожаръ мировой войны, загорѣвшійся въ Европѣ, своимъ пожирающимъ пламенемъ перебросился и сюда, въ заброшенный уголокъ «чернаго материка».

Здѣсь въ далекомъ африканскомъ Трансваалѣ столкнулись въ титанической борьбѣ—неистовый теутонецъ съ могучимъ и честнымъ англичаниномъ.

Событія послѣднихъ дней потрясли, положительно перевернули тихое экзотическое житье-бытье Преторіи. Постараясь описать въ полной последовательности новое, преступное, къ счастью неудавшееся, посягательство нѣмцевъ на жизнь ни въ чемъ неповинныхъ мирныхъ людей.

* * *

Въ двухъ километрахъ отъ города, по направленію къ западу, расположены грандіозныя копи. Здѣсь цѣлый городъ—своеобразный, необычайный алмазный городъ. Безконечная аллея шахтъ, грохочущіе подземные краны, мчащіяся вагонетки, молніеносные лифты, гигантскія трубы—все это утопаетъ въ дыму и копоти, все движется, грохочетъ, лязгаетъ и наполняетъ окрестности невообразимымъ шумомъ. Слово адъ устроило здѣсь свое отдѣленіе...

Работаютъ въ шахтахъ, главнымъ образомъ, черные. Сотни, даже тысячи лоснящихся негровъ съ утра спускаются въ мрачныя жерла алмазныхъ вулкановъ, совершенно голые, только съ особыми наручниками, устроенными такъ, тобы негръ не смогъ унести съ собой ни одной крупицы драгоценнаго минерала.

На поверхности земли рабочихъ еще больше. Здѣсь уже болѣе тонкая работа—сортировка, промывка, шлифовка, отдѣлка. Въ колоссальныхъ сараяхъ, да и прямо во дворахъ подъ навѣсами, заняты тысячи людей—англичане и буры.

Недавніе враги совершенно забыли легендарную войну 1900 года.

Горсточка фермеровъ-героевъ, возставшая, какъ одинъ человекъ, противъ англичанъ, цѣлыхъ два года партизански оборонявшаяся въ своихъ неприступныхъ горахъ и, наконецъ, раздавленная многочисленной образцовой арміей, теперь совсѣмъ забыла былое ожесточеніе. Да и какъ не забыть, когда побѣдители ровно ничего не измѣнили въ патріархальномъ Трансваалѣ. Никакого угнетенія, никакихъ насилій. Остались мѣстные обычаи, законы, мѣстные выборныя власти, языкъ, школы, газеты. Даже, наоборотъ, съ присоединеніемъ бурской вольницы къ Англии, торговля и промышленность этихъ мѣстъ достигла необычайнаго расцвѣта.

Черезъ годъ-два послѣ войны горечь побѣжденныхъ и ожесточеніе побѣдителей совсѣмъ исчезли. Наступилъ прочный, настоящій, на вѣки-вѣчные, миръ.

Теперь, при первыхъ извѣстіяхъ о мировой войнѣ, «африканскіе запорожцы» заволновались. И сразу же съ энтузіазмомъ пылкихъ, рѣшительныхъ людей буры стали формировать отряды волонтеровъ. Не только увлекающаяся молодежь, но и старые генералы минувшей войны, эти «мужицкіе стратеги», побѣждавшие европейскую армію, всѣ подали заявленія о желаніи отправиться на войну.

* * *

А въ копяхъ съ начала войны стало тревожно. Алмазный городъ нервничалъ и волновался. Ходили какіе-то смутныя слухи, всѣ чего-то ждали, чего-то опасались.

Въ числѣ пассажировъ «Ливерпуля», недавно пришедшаго изъ Европы, былъ рослый блондинъ, Альфредъ Лори. Лори выдавалъ себя за бельгійскаго инженера, остановился въ лучшей гостиницѣ Капштада и оттуда переѣхалъ въ Преторію. Онъ являлся въ копи, предлагалъ дирекціи какія-то усовершенствованныя машины и особыя лампы для освѣщенія шахтъ.

Военное время заставило администрацію относиться подозрительно къ незнакомому инженеру, но, все-таки, благо-

даря своей настойчивости, Лори нѣсколько разъ бывалъ въ копяхъ и опускался въ шахты.

Одинъ разъ онъ даже заблудился въ подземномъ коридорѣ и только спустя часъ вернулся къ лифту, объяснивъ свое отсутствіе тѣмъ, что у него погасла лампа и онъ, моль, долго не могъ найти дороги къ выходу.

На слѣдующій день надсмотрщикъ нашель въ шахтѣ инструментъ для опредѣленія плотности стѣнъ. Инструментъ былъ непохожъ на тѣ, которые употреблялись въ копяхъ, и рабочій принесъ его въ контору. Тамъ заинтересовались странной находкой, внимательно осмотрѣли ее и, къ удивленію, нашли клеймо «Берлинъ»...

Сначала призадумались надъ этимъ, рѣшили было заявить коменданту, но потомъ, въ сумятицѣ заводской жизни, забыли о находкѣ и таинственномъ инженерѣ.

* * *

...Замбо третій годъ работаетъ въ узкомъ подземномъ коридорѣ. Каждый день молодой кафръ является въ этотъ гробъ и, только къ вечеру, утомленный тяжелой работой, съ глазами, слѣпнувшими отъ свѣта, выходитъ къ контрольному посту, отдавая бѣлымъ людямъ свои драгоценныя кристаллы. Не-

Желая изгнать нѣмцевъ изъ своей страны, бельгійцы открыли шлюзы и затопили округъ крѣпости Малинь. Въ водѣ погибли нѣмецкія войска, орудія и цѣлыя поезда.

Къ бою.

Английскіе солдаты спѣшаютъ на передовыя позиціи, только что прибывъ изъ Англии. Снимокъ этотъ удалось сдѣлать одному изъ французскихъ журналовъ, несмотря на строгую тайну, сопровождавшую высадку англійскаго десанта.

давно Замбо остутился въ темной шахтѣ, упалъ внизъ и сломалъ руку.

Но англійскій инженеръ пожалѣлъ негра, хорошаго, исправнаго, честнаго работника, и оставилъ его въ копяхъ. Только дали ему помощника. Новый рабочій сразу не понравился Замбо.

— Странный негръ,—думалъ о немъ Замбо.—Черный, такой же, какъ и я, но никогда не говорить на нашемъ языкѣ. Всегда, какъ бѣлые. Все разспрашиваетъ о шахтѣ, о томъ, бывали-ли здѣсь взрывы. Предлагаетъ водку, которую проносить въ выдолбленной ручкѣ лопаты...

Замбо не понимаетъ своего сосѣда. Не понимаетъ и боится.

* * *

Они работали сегодня съ ранняго утра. Въ шахтѣ было нестерпимо жарко. Въ крошечномъ коридорѣ не выпрямиться даже, трудно дышать. А тутъ еще рядомъ подземное озеро—кипящая вода, подернутая паромъ. Не дай Богъ туда упасть! Въ прошломъ году братъ Замбо скатился сюда съ верхней галереи и въ ту же минуту погибъ, свалившись въ этомъ кипящемъ котлѣ.

Вдругъ видитъ Замбо, что его новый товарищъ даетъ сигналъ—вызываетъ подземную корзину. Негръ сразу почувалъ что-то недоброе.

Сверху отвѣтили звонкомъ и послышался шумъ опускающейся машины.

Въ этотъ моментъ Замбо увидѣлъ, какъ тотъ, другой, поднялъ съ пола какой-то ящикъ и вставилъ въ отверстіе стѣны. Негръ схватилъ его за руку и закричалъ:

— Что ты дѣлаешь? Не пушю...

И сталъ передъ подъемной машиной. Завязалась борьба. Замбо былъ силенъ, но противникъ изловчился и ударилъ его киркой въ грудь. Замбо свалился. Онъ видитъ, какъ преступникъ

береть свой ящикъ и вставляетъ въ стѣну. Затѣмъ садится въ подъемную машину.

Умирающей Замбо напрягъ послѣднія силы и дернулъ машинный канатъ. Корзина закачалась и, лишенная опоры, бесильно покатила. Вотъ она у края озера. Еще минута—и она, перевернувшись, падаетъ въ кипящую воду.

Сидѣвшій въ ней преступникъ вывалился, упалъ въ воду, но зацѣпился ногами въ канатахъ и повисъ...

* * *

Когда дежурный инженеръ спустился на веревкѣ съ рабочими въ шахтенный коридоръ, онъ увидѣлъ ужасную картину.

Замбо былъ мертвъ, другой негръ висѣлъ надъ озеромъ, до пояса погруженный въ кипятокъ.

Адскую машину замѣтили во время—по циферблату часовъ было видно, что черезъ семь минутъ послѣдовалъ бы взрывъ и гигантскія копи вмѣстѣ съ тысячами людей превратились бы въ развалины.

Преступникъ, погибшій такой ужасной смертью, сваренный въ кипяткѣ, оказался выкрашеннымъ бѣлымъ. Въ его сумкѣ нашли документы—визитныя карточки бельгійца Лори и... паспортъ германскаго офицера Карла Майера!

* * *

Несчастный Замбо цѣной своей жизни спасъ всѣхъ.

Администрація выдала его семьѣ щедрое пособие.

Городъ заволновался. Адскій планъ нѣмецкаго варвара, грозившій гибелью тысячамъ людей, вызвалъ бурю неистоваго, справедливаго негодованія.

Всю ночь по главной улицѣ ходила толпа съ криками: «Долой нѣмцевъ, да здравствуетъ Англія!».

* * *

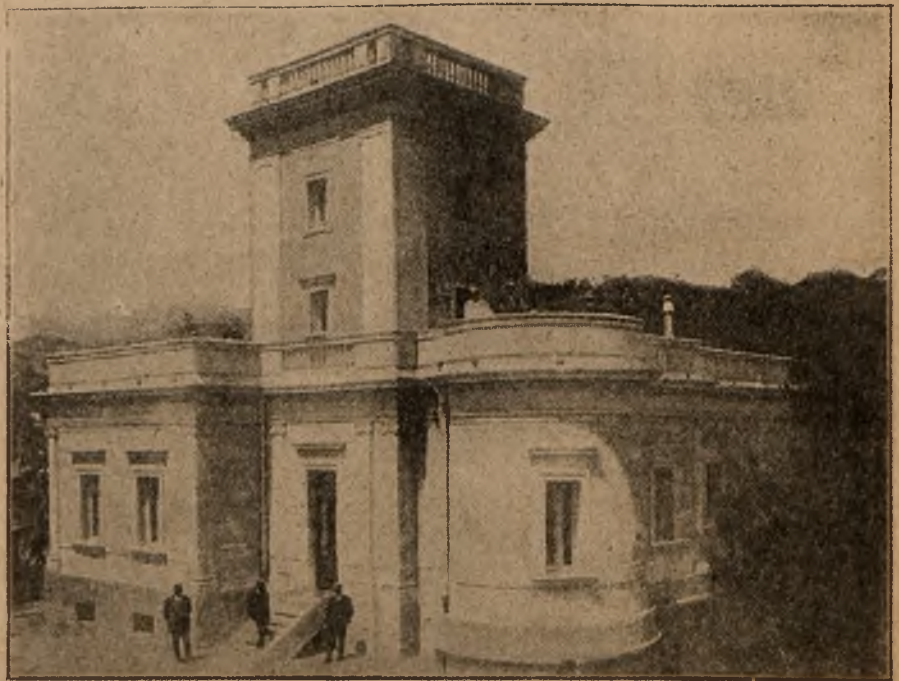
Изъ Капштадта на двухъ пароходахъ уѣзжали въ Англію буры-волонтеры. Густая толпа провожала добровольцевъ.

— Побѣдите проклятыхъ нѣмцевъ! Побѣдите! Англія не можетъ не побѣдить!...

А. К.—ій.

Домъ-чудо.

Домъ въ Мессинѣ, сдѣланный изъ одного куска камня, на случай землетрясенія. Итальянцы, впрочемъ, говорятъ, что домъ-камень можетъ выдержать и снаряды крупнѣйшихъ орудій...

ЛИКУЮЩИЙ БЕРЛИНЪ.

Что мнѣ рассказали пріѣзжіе.

Одиннадцать часовъ утра. Пасмурно. Дома сѣрые, небо сѣрое. Невдалекѣ грохотъ—бѣгу на улицу.

По виду не узнаю, что я русский,—и я безбоязненно протискиваюсь въ толпу.

— Что такое тамъ?

— Какъ, что такое?—отвѣчаетъ возмущенный голосъ,— трофеи везутъ... Плѣнные, пушки...

Музыка, крики, восторженные возгласы и флаги-флаги, безъ конца...

— Гдѣ плѣнные?

Правильно поднимаютъ ноги и идутъ ровно-ровно.

— Куда-же они? Отведутъ плѣнныхъ и пойдутъ домой?..

— Какъ-же домой? Если вы видѣли, такъ другимъ уже нельзя посмотреть— ихъ поведутъ по другимъ улицамъ, этихъ собакъ...

— Ага, такъ... такъ...

Можете мнѣ не вѣрить: на другой день я снова видѣлъ, какъ вели плѣнныхъ, лица которыхъ мнѣ очень напоминали

дѣло австрійское,—а развѣ Австрія смѣетъ не побѣдить?..

Такой упоенности своей силой, такой близорукости я никогда не ожидалъ отъ Германіи. Въдѣ каждый берлинецъ читаетъ въ обычное время 2-3 газеты, утромъ и вечеромъ,—неужели-же до него не доскользнули раньше свѣдѣнія о могуществѣ союзниковъ?..

Около вывѣшенныхъ газетъ—цѣлые митинги.

— Да, австрійцы отступили... Но раз

На поправкѣ.

Наши раненые въ Петроградѣ на поправкѣ. Всѣ скорѣй хотѣтъ выздоровѣть, чтобы идти опять туда—гдѣ нѣмецъ ждетъ. (Фот. С. Магазинера)

— А вотъ... Развѣ не видите.

Навстрѣчу—цѣлая армія. Солдаты, солдаты... Знамена, каски, штыки—и впереди чуть-ли не три оркестра...

— Скажите, почему-же они такіе странные, эти плѣнные—въ германской формѣ, съ германскими знаменами...

— Что вы, маленькіе что-ли?.. Это конвой. Плѣнные посредишь.

Жду, когда пройдутъ конвойные. Очень ужъ много этихъ конвойныхъ...

А посредишь, дѣйствительно, плѣнные. Человѣкъ сорокъ французовъ въ странныхъ костюмахъ, и двѣ пушки.

Меньше всего я артиллеристъ, но и я удивленъ, почему у пушекъ такіе разные колеса и казенная часть одной изъ нихъ обвязана тряпкой. Очевидно, у французовъ есть одна артиллерія, которая стоняетъ нѣмецкія батареи съ позиций, и другая, специально предназначенная для сдачи въ плѣнь.

— А сзади кто?

— Сзади? Тоже конвой.

Тысячи двѣ конвои. Тоже съ музыкой.

вчерашихъ плѣнныхъ. Я плохой физиономистъ и, можетъ-быть, ошибаюсь, по относительно пушекъ—извините...

Впрочемъ, мой собесѣдникъ на улицѣ сказалъ правильно:

— Нужно-же всѣмъ посмотреть...

Отъ побѣдъ Берлинъ задыхается. Я ужъ не говорю о газетахъ, которыя успѣли уже разбить нейтральную Италію и отогнали французовъ до Бордо,—это дѣло слишкомъ обычное для Германіи.

Каждый день всѣ дома украшены флагами. Сначала украшали ихъ послѣ утреннихъ газетъ.

«Парижъ почти взятъ». Флаги.

«Побѣдоносная австрійская армія».

Флаги.

Теперь флаги уже не снимаютъ на ночь. Такъ они и висятъ все время, а для того чтобы оправдать это, каждый день дается новая побѣда.

«Почти разгромлена» бываетъ каждый день и французская, и русская, и англійская арміи. О сербахъ не говорятъ. Это

Зашитникъ Льежа.

Бельгійскій генераль Леманъ—геройскій зашитникъ Льежа.

Ликующий Берлинъ.

Флаги, флаги и флаги—и все по поводу несуществующихъ побѣдъ. Нашъ снимокъ даетъ обычную картину ликующаго Берлина.

Торжествующая Германія.

Какъ нѣмцы представляютъ себѣ побѣду...

вѣ они пошли-бы на это, если-бы въ ихъ рядахъ былъ хоть одинъ измѣнчій солдатъ?—надрывается ораторъ въ цилиндрѣ.

Здѣсь военный рассказываетъ о томъ, какъ бѣгутъ французы.

— Подождите немного... Парижъ будетъ столицей, но уже не Франціи... Германія не допуститъ.

Германія не допуститъ—основной тонъ всего ликованія по поводу несуществующихъ побѣдъ...

Когда газеты или слухи становятся немного тревожными, — берлинцы возмущаются просто и спокойно:

— Какъ-же допустили?

Германію побѣдить нельзя. Она этого не допуститъ. А если и есть неудачи—то это просто непростительное поущеніе генераловъ...

Кровавая желѣзная игра на первахъ нации. Взвизгивающіе, самоуверенные берлинцы хватаются за голову въ дни, когда газеты не смогутъ сдѣлать изъ отступленія шумной побѣды.

— Ну, хорошо,—сердито говорилъ мнѣ старій патріотъ-модочникъ. — Германія возьметъ Парижъ, Варшаву, Москву, а что я возьму?.. А чѣмъ я буду питаться?..

Дѣйствительно, когда нуцанный токъ ослабѣваетъ и будничные интересы лѣзутъ наружу—въ Берлинѣ жутко.

Нѣтъ настоящаго голода съ умирающими на улицахъ, но тѣнь голода, са-

мага ужаснаго, надвигается все ближе и ближе.

«Мобилизованные патріоты», которые проходятъ черезъ Берлинъ, живутъ въ немъ или находятся около него—очень охотно и очень много кушаютъ. Патріоты и патріотки безъ формы привыкли тоже хорошо питаться,—а жить совершенно сытно въ Берлинѣ сейчасъ становится ужъ роскошью для бѣдняковъ...

Армія кайзера уже начла побѣждать свое отечество—она объѣдаетъ его медленно и упорно.

* *

Поговорите съ любимъ, даже интеллигентнымъ берлинцемъ, о томъ, чего хо-

четъ Германія—вы парветесь на рядъ любопытныхъ анекдотовъ.

— Французы должны быть разгромлены. Пусть они помнятъ, что ихъ судьба зависитъ отъ Германіи. Полное разрушеніе Франціи, чтобы она не могла безпокоить насъ...

— Ну, а относительно Россіи?..

— Русскіе не такіе заклятые враги. Они просто должны быть проучены отнятіемъ Кіева и разгромомъ всѣхъ пограничныхъ крѣпостей...

Сравните это съ нашимъ:

— Накласть надо, чтобы не лѣзли...

Арк. Буховъ.

Всѣ—за родину.

Женская сербская милиція, собранная въ селахъ для «домашней» защиты отъ австрійцевъ.

МИННАЯ ВОЙНА.

МИНЫ.

Мины (движущіяся въ водѣ называютъ торпедами) имѣютъ огромное значеніе въ рукахъ обороняющагося, какъ въ сухопутной, такъ и въ морской войнѣ.

Основнымъ типомъ сухопутныхъ минъ считается такъ называемая «мортирная мина». Она имѣетъ видъ наклоннаго конуса, направленнаго отверстіемъ въ сторону предполагаемаго движенія непріятеля. На дно закладывается зарядъ динамита съ электрическимъ запаломъ, провода отъ котораго проводятся къ мѣсту наблюденія за движеніемъ непріятеля. Сверху яма тщательно маскируется землей. Къ этого рода минамъ особенно приобѣгаютъ германскія войска въ настоящую войну. Автоматически дѣйствующія мины взрываются въ случаѣ надавливанія на доску, подъ которой помѣщается система контактовъ, сообщенныхъ съ электрическимъ запаломъ. Въ этомъ случаѣ играетъ большую роль элементъ случайности.

Чрезвычайно интереснымъ представляется минированіе зонъ водныхъ пространствъ, въ которыхъ ожидается появленіе непріятельскихъ судовъ.

И здѣсь, какъ при устройствѣ сухопутныхъ минъ, существуютъ два варианта: при одномъ взрывѣ можетъ быть произведенъ произвольно, при другомъ — мы имѣемъ самовзрывающуюся мину, цѣлая система которыхъ носитъ названіе миннаго огражденія.

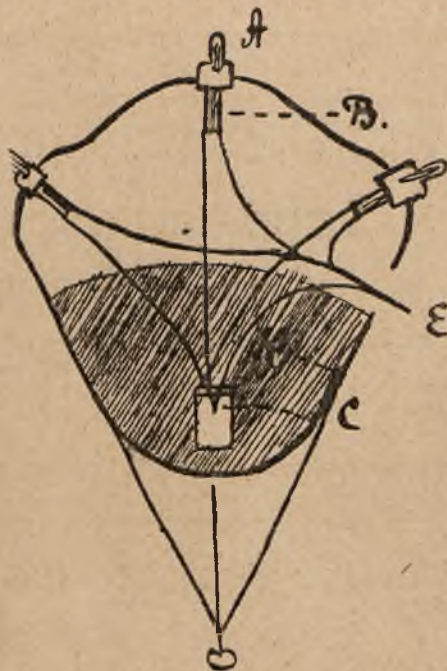
При подобныхъ огражденіяхъ военныхъ портовъ устанавливается на берегу, въ хорошо защищенномъ отъ разрушенія непріятельскими снарядами, мѣстѣ, — особый, весьма оригинальный аппаратъ, позволяющій наблюдающему за нимъ лицу возвращать любую мину въ моментъ прохожденія надъ ней непріятельскаго судна. Аппаратъ представляетъ собою проекціонный приборъ, отражающій въ уменьшенномъ видѣ помощью фотографическаго объектива и системы зеркалъ весь рейдъ на горизонтальное матовое стекло. Это стекло напоминаетъ крышку роля, нажатіе клавишъ — передаетъ электрический токъ соответствующей минѣ.

Мѣста заложения минъ отмѣчены на стеклѣ значками при соответствующихъ клавишахъ, а плывущія суда отражаются на томъ-же стеклѣ, какъ на матовой пластинкѣ фотографическаго аппарата.

Въ основныхъ чертахъ устройство минъ сводится къ слѣдующему:

А — стеклянный стаканчикъ съ каплей ртути, В — гальванической элементъ, съ разомкнутыми проводами. Въ моментъ прикосновенія судна къ минѣ, хрупкій стаканчикъ разбивается, ртуть осѣдаетъ на провода, чѣмъ вызываетъ замыканіе тока. Запаль С, погруженный въ зарядъ К мины, — возгорается. Обыкновенно, устраивается нѣсколько стеклянныхъ колпачковъ А.

Къ несчастію, разстановка минъ являлась оруженъ, съ матоваго огражденія

Разрѣвъ мины.

не только непріятель, но и сторона минующая и нейтральныхъ суда.

Въ началѣ мировой войны 1914 г. погибъ по той же причинѣ англійскій крейсеръ «Амфионъ» и значительное количество нейтральныхъ судовъ.

Любопытно отмѣтить, что гениальный прожекторъ Робертъ Фультонъ предложилъ Наполеону изобрѣтенную имъ мину для борьбы съ Англійей. Наполеонъ весьма неблагоприятно отнесся къ такому способу веденія войны, назвавъ его пиратствомъ.

Въ виду опасности морскихъ минъ для судовъ нейтральныхъ странъ, Англія предложила на мирной конференціи 1907 г. воспретить пользоваться ими для военныхъ цѣлей. Однако, это предложеніе страны, владѣющей могущественнѣйшимъ въ мирѣ военнымъ и коммерческимъ флотомъ, было отклонено. До сего времени исторія текущей войны показала что внимательная и хорошо организованная развѣдочная служба на морѣ можетъ довести до минимума вредъ случайнаго миннаго поврежденія.

Еще болѣе разрушительное орудіе представляютъ самодвижущіяся мины Уайтхеда, заключающія въ себѣ сотни килограммовъ взрывчататаго вещества и движущіяся посредствомъ струи воздуха, выходящаго изъ кормовой части мины, куда онъ нагнетается до пуска.

Бортовые сѣти прежде защищали судно отъ столкновенія съ миной, но эта мѣра, стѣсняющая ходъ и движенія судна, оказалась недостаточной послѣ того, какъ въ головной части мины были устроены острія въ видѣ маммицъ, раз-

Вплоть до войны правительствами разныхъ странъ и отдѣльными изобрѣтателями производились опыты передачи электрической энергіи на разстояніи.

Успѣшность этихъ опытовъ обезпечила бы возможность управленія миной, какъ живымъ существомъ, и, — слѣдственно, взрыва мины въ положеніи наиболее для дѣла благоприятномъ. Насколько, вообще, эти и подобнаго рода изысканія были успѣшны, покажетъ опытъ настоящей войны. Покачто — объ успѣхахъ въ этой войнѣ миннаго дѣла судить не приходится.

Что такое минный заградитель?

Подъ этимъ названіемъ понимаютъ судно, чаще всего небронированное, назначеніе котораго заключается въ образованіи миннаго загражденія, то есть, расположенія системы минъ въ той части воднаго пространства, которая можетъ подвергнуться прохожденію черезъ нее непріятельскихъ судовъ.

Редакторъ Б. А. Катловскій.

Издатель: Т-во Изд. Дѣла «Копѣйка» въ лицѣ представителя М. Городецкаго.

Судовые двигатели внутреннегоранія

отъ атласовъ. Сост. Б. Ш. Лобачъ-Жученко. Цена книги вмѣстѣ съ атласомъ 8 руб. Выслается съ залож. плат. за 8 р. 50 к., только по получеши задатка (не менѣе 3 руб.). За пересылку въ Сибирь и Азіатскую Россію доплата по почтовому тарифу. Книжный магазинъ «КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ».

Важно для хозяекъ.

1) Молодая хозяйка.

Руководство къ практической постановкѣ и веденію дома.

1) Выборъ квартиръ и мебели. 2) Кухня и комната прислуги. 3) Вуфотъ, серебро, золото, прокута и ея обязанности. 4) Перевалы. 5) Столовая. 6) Гостиная. 7) Кабинетъ. 8) Спальня. 9) Уборная и ванная. 10) Въ ожиданіи ребенка; дѣти; дѣтская. 11) Распределеніе расходовъ; отолъ; купальни; прическа. 12) Уходъ за красотой, туалетъ, гигиена.

Составила А. Нельсона.

Цена книги 3 р. 50 к., съ пересыл. и залож. плат. 4 р. 00 коп. Выслается только по получеши задатка (не менѣе 1 руб.).

2) Домъ и хозяйство.

Скоромный и посылный столы, съ отдѣльнымъ вегетарианскою кухнею. Подарокъ хозяйкѣ. Составили Е. Носова и В. Пенюкова. Цена книги 1 руб., съ пересыл. и залож. плат. 1 р. 50 к. 000 книги вышлѣ выслается съ залож. плат. за 1 р. 00 коп., только по получеши задатка (не менѣе 1 р.). Книжный магазинъ «Книжный Поставщикъ».

ВОЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ЧИТАЙТЕ

ВЪ „ГАЗЕТЪ-КОПѢЙКЪ“

Богатая освѣдомленность, сжатость изложенія, авторитетные комментаріи.

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ и ПРОВИНЦІИ желающіе получать ежедневно газету на домъ могутъ подписаться на 4 мѣсяца, съ 1-го сентября по 1-е января на газету «ГАЗЕТА-КОПѢЙКА» съ приложеніемъ «Журнала-Копѣйки». Цѣна за 4 мѣсяца—1 руб. 55 коп. Деньги присылать: Петроградъ, Лиговка, 111—113, контора «Газеты-Копѣйки». Г. городскіе подписчики могутъ вносить подписныя деньги въ Главную Контору (Лиговская, 111, собств. домъ),

Для удобства г.г. городскихъ подписчиковъ

временно открытъ приемъ подписки еще въ слѣдующихъ пунктахъ:

- 1) Выб. стор., Большой Сампсоніевск. 18. Аптекарскій магазинъ Третьякова.
- 2) Пет. стор., Больш. пр. 28. Книжный магазинъ Игнатъева.
- 3) Лѣсной, 2 Муриноскій, № 41—8. Книжный магазинъ Дубинина.
- 4) В. О., 9 линия, 6. Книжный магазинъ Тяпкиной.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

новый романъ М. РАСКАТОВА

ВЪ ВОДОВОРОТѢ

(Антонъ Кречеть).

Цѣна 40 коп.

Наложнымъ платежемъ 70 коп.

Главный складъ изданія:

Петроградъ, Лиговская, 111-113, магазинъ

„КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“.

Поступила въ ПРОДАЖУ БОЛЬШАЯ, МНОГОКРАСОЧНАЯ КАРТА Всѣхъ Театровъ Войны.

Изданіе Акц. Общ. Изд. Дѣла „Копѣйка“.

Цѣна карты—20 коп., съ пересылкой—35 коп.

Главный складъ изданія: Книжный магазинъ „КНИЖНЫЙ ПОСТАВЩИКЪ“ Петроградъ, Лиговская 111-113.

КОНЕЦЪ И СЛѢДЪ ПОЛНА

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 336557

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ для семьи

„ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“

(Одесскій годъ изданія).

Въ 1914 г. „ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“ выходитъ въ двухъ изданіяхъ:

1-е изданіе: 52 №№ иллюстрированнаго журнала „ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“.

Цѣна за первое изданіе: въ 12 мѣс.—2 р. 50 к., за 6 мѣс.—1 р. 50 к., за 3 мѣс.—80 к.

2-е изданіе: 52 №№ иллюстрированнаго журнала „ВСЕМІРНАЯ ПАНОРАМА“.

и 52 №№ иллюстрированной „Всѣхъ Театровъ Войны“.

включающей полное собраніе сочиненій: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, И. А. Крылова, А. В. Кольцова, Н. Г. Помяловскаго, С. Т. Аксакова и А. А. Марлинскаго.

Цѣна за второе изданіе: въ 12 мѣс.—8 руб., за 6 мѣс.—3 руб. 50 к.

Подписныя деньги адресовать: Петроградъ, Товарищество Издательскаго Дѣла „КОПѢЙКА“.

Лиговская, 111—113, собственн. домъ.